

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-20-30

**Проблематика «русской идеи» и «Косовского завета»
в компаративистском исследовании творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша****Вукашин Гаврич***Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва, Россия
vukasingavric@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0628-8037>*

В эпоху глобального кризиса морально-нравственных ценностей особо актуальным становится поиск новых смыслов в творчестве литературных классиков – Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша (представителей русской и сербской литератур, выдающихся религиозных писателей XIX в.). Научная новизна заключается в том, что впервые поднимается вопрос компаративистского анализа поэтики и проблематики произведений Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша, а также в том, что концепты «русский путь» и «Косовский завет» на компаративистском уровне до настоящего времени не являлись предметом отдельного исследования. Цель работы состоит в выявлении связи между концептами «русская идея» и «Косовский завет», отражёнными в сложных художественных мирах Ф. Достоевского и П. Негоша. Особое внимание уделяется проблемам сравнительно-исторического литературоведения в современных условиях. Предпринята попытка обзора российских и зарубежных научных трудов по литературоведческой компаративистике – при сравнении онтологических проблем в творчестве анализируемых авторов. Для достижения цели используется комплексный подход, который включает ряд классических методов – биографический, компаративистский, мифопоэтический, а также интертекстуальный анализ. С использованием биографического метода демонстрируется, каким образом зарождались и развивались концепции «русская идея» и «Косовский завет» в жизни и творчестве русского и сербского авторов. С помощью компаративистского анализа раскрываются глубоко интересующие обоих писателей проблемы веры и разума, соборности, национальной самобытности. Посредством мифопоэтического метода автор даёт характеристику концепту «Косовский завет» и определяет причины его возникновения. Делается вывод, что оба писателя в своём художественном завещании затрагивают евангельские темы. С одной стороны, Достоевский-романист сосредотачивается на вопросах искупления греха, с другой – в лирике П. Негоша переплетены личная судьба с национальной, микрокосм с макрокосмом, затрагиваются вопросы богопознания и происхождения мира. Взаимовлияние «русской идеи» Ф. М. Достоевского и «Косовского завета» П. П. Негоша способствует обогащению национальных литератур и обогащению компаративистского литературоведческого дискурса.

Ключевые слова: Достоевский, Негош, русская идея, Косовский завет, славянская компаративистика, русская литература, сербская литература

Original article**The Problems of the “Russian Idea” and the “Kosovo Testament”
in the Comparative Study of the Works by F. M. Dostoevsky and P. P. Njegosh****Vukasin Gavric***Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
vukasingavric@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0628-8037>*

In the era of the global crisis of moral and ethical values, the search for new meanings in the works of literary classics – F. M. Dostoevsky and P. P. Njegosh; representatives of Russian and Serbian literatures, outstanding religious writers of the 19th century – becomes especially relevant. The scientific novelty is the fact that for the first time the issue of comparative analysis of the poetics and problems of the works by Dostoevsky and Njegosh is raised, as well as the fact that the concepts of the “Russian way” and the “Kosovo Testament” at the comparative level have not been the subject of a separate study to date. The purpose of the work is to identify the connection between the concepts of the “Russian idea” and the “Kosovo Testament”, reflected in the complex artistic worlds of Dostoevsky and Njegosh. Particular attention is paid to the problems of comparative historical literary criticism in modern conditions. An attempt is made to review Russian and foreign scientific works on comparative literary studies – when comparing ontological problems in the works of the analyzed authors. To

achieve the goal, an integrated approach is used, which includes a number of classical methods – biographical, comparative, mythopoetic, and intertextual analysis. Using the biographical method, the author demonstrates how the concepts of the "Russian idea" and the "Kosovo Testament" arose and developed in the life and work of the Russian and Serbian authors. With the help of comparative analysis, the problems of faith and reason, conciliarity, and national identity that are of deep interest to both writers are revealed. By means of the mythopoetic method, the author tried to characterize the concept of the "Kosovo Testament" and display the reasons for its emergence. We make a conclusion that both writers touch upon gospel themes in their artistic testament. On the one hand, the novelist Dostoevsky focuses on the issues of redemption of sin, on the other hand, in Njegosh's lyrics, personal destiny is intertwined with national destiny, microcosm with macrocosm, and the issues of knowledge of God and the origin of the world are touched upon. Finally, the mutual influence of Dostoevsky's "Russian idea" and Njegosh's "Kosovo Testament" contributes to the enrichment of national literatures and the enrichment of comparative literary discourse.

Keywords: Dostoevsky, Njegosh, Russian idea, Kosovo Testament, Slavic comparative studies, Russian literature, Serbian literature

Введение. Исследование таких концептов, как «русская идея» и «Косовский завет», в условиях глобализации и взаимопроникновения культур является актуальным, поскольку показывает, каким образом русская и сербская литературы взаимодействуют и как именно в них отражаются общие человеческие переживания. Художественные произведения Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша поднимают важные этические вопросы, которые и в настоящее время продолжают волновать не только российское и сербское, но и мировое общество.

Стоит отметить, что в последние десятилетия особую актуальность приобретают литературоведческие исследования, которые находятся на грани компаративистского и аксиологического направления, однако сравнительно-исторический метод литературоведческого анализа вновь переживает кризис. Это может быть одной из причин отсутствия научных статей, монографий и диссертаций, посвящённых компаративистскому анализу творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша. Для раскрытия заявленной темы необходимо ответить на вопрос: каким образом проводить компаративистский анализ творчества двух авторов, которые писали на близкородственных языках и чья тематика произведений – христоцентрична?

Прежде всего, дадим определение терминам «методология» и «компаративизм». В «Философском словаре» под редакцией М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина (1968) термин «методология» определяется как «совокупность приёмов исследования, применяемых в какой-либо науке»¹.

Данная интерпретация, на наш взгляд, является чрезмерно обобщённой, поэтому

процитируем следующую, более конкретизированную. Такие современные исследователи, как Г. Ч. Синченко, С. В. Векленко, Ю. В. Голик, В. П. Малахов и др., разделяют мнение, согласно которому «методология – это понятие интегральное, объединяющее ряд компонентов: мировоззрение и фундаментальные теоретические концепции, диалектические категории и законы, обще- и частнонаучные методы» [1]. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» РАН «компаративизм» (или «сравнительно-историческое литературоведение») определён как «раздел литературоведения, изучающий сходства и различия, связи и взаимовлияния литератур стран и народов мира»².

Помимо регулярно проводимой международной научной конференции «Достоевский и мировая культура» в Музее Достоевского в Петербурге (с 1974 г.), в честь 200-летия великого русского писателя был организован ряд международных научных конференций: «Потенциальная бесконечность диалога» (2 декабря 2011 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова); «Достоевский в зеркале эпох: поэтика, компаративистика, имагология» (22–23 апреля 2021 г. в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова) и др. Отметим, что 200-летие Достоевского не осталось без внимания и за рубежом; так, например, 12 ноября 2012 г. в Черногории была организована международная научная конференция «Два века Достоевского».

Внимание к творчеству русского писателя традиционно высоко в Европе: В. Д. Эвальд справедливо отмечает, что в трудах таких зарубежных критиков, как Й. Франк, С. Хадспит и др. [2–4], доминирующими предметами исследования творчества Ф. Достоевско-

¹ Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1968.

² Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. – М.: РАН, ИНИОН, 2001.

го остаются «русская идея», эстетические и морально-нравственные ценности [5]. Внимание к творчеству Достоевского сегодня усиливается и в странах Азии. Перечислим несколько имён китайских достоевсковедов, которые проводят научные исследования на русском языке: А.Хуэйжун, Цэн Цзя и др. [6; 7]; на китайском языке – Вань Хайсуна, Гэн Хайин, Дин Шисинь и др. [8–10].

К произведениям П. Негоша продолжают проявлять интерес переводчики-слависты. Так, Р. Мароевич обращается к проблеме русских эквивалентов сербского эпического десятисложника в рамках анализа перевода поэмы «Луч микрокосма», выполненного И. Числовым [11, с. 35]. Д. Байович подчёркивает, что, в отличие от «Горнего венца» и «Самозванца Степана Малого», поэма «Луч микрокосма» по своей тематике и способу образования отличается космогоническими чертами и обилием церковнославянизмов и русизмов: «питателница, внимање, послєдоватељи, взор, мечтање и т. д.» [12].

В 2024 г. был опубликован сборник научных статей «Архаизация как переводческий приём», посвящённый проблеме перевода поэмы «Луч микрокосма» И. Числовым на русский язык. Е. Байович здесь указывает на обилие тюркизмов в поэме «Самозванец Степан Малый» [13, с. 86]. Отдельную работу исследователь посвящает гендиадису как фразеологическому жанру поэмы «Луч микрокосма» и её переводам на русский язык [Там же, с. 114]. Не менее любопытным является труд М. Ракочевича, посвящённый анализу художественных произведений П. Негоша через призму естественных наук [14].

Безусловно, «своеобразие национальной литературы не может быть раскрыто без сопоставления её с другими литературами, и прежде всего так или иначе близкими к ней» [15, с. 340]. Н. И. Конрад, впервые объединивший термины «сравнительно-историческое» и «сравнительно-типологическое литературоведение» в единое «сравнительное литературоведение», в работе «Проблемы современного литературного процесса» особое внимание уделяет исследованию межнациональных связей (как в синхронном, так и в диахронном ракурсе своего развития) и справедливо утверждает, что «задачей в этом случае является, во-первых, обнаружение самих связей, выяснение их исторических причин, их харак-

тера, путей, средств; во-вторых, раскрытие последствий этих связей как для отдельных литератур, так и для всей совокупности литератур, охваченных ими» [16, с. 32]. Современный румынский исследователь Л. Беженару утверждает, что «диалог национальных литератур не может рассматриваться сегодня только в аспекте литературы: диалог создаёт для каждой из них герменевтическую ситуацию, в которой осуществляется самопознание и происходит понимание Другого» [17, с. 160].

Как показывает практика, в славянской компаративистике межлитературные связи включены в историко-культурный контекст. По нашему глубокому убеждению, компаративистский анализ творчества Ф. Достоевского и П. Негоша будет неполным без включения в него таких основополагающих философских концептов, как «русская идея» и «Косовский завет». Компаративистский анализ идейного содержания произведений русского и сербского писателей может быть использован для разработки курсов по славянской компаративистике, подготовке спецкурсов в рамках литературоведческих и междисциплинарных исследований, а также в практике вузовского преподавания.

Цель статьи состоит в выявлении взаимосвязей между такими аксиологическими концептами, как «русская идея» и «Косовский завет», на примере творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша.

Методология и методы исследования. С помощью биографического метода автор даёт характеристику развитию мировоззренческих взглядов Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша, а именно: отмечает в их художественных произведениях не только художественные образы, но и личные переживания и идеи самых авторов. Например, ключевым моментом в применении данного метода, на наш взгляд, является возможность раскрытия воплощения «русской идеи» в последнем романе писателя. Неслучайно русский классик вводит в художественный оборот тему братства и соборности через проповеди старца Зосимы, о чём речь пойдёт ниже.

Благодаря мифопоэтическому методу сделана попытка подчеркнуть глубокую связь произведений Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша с культурными и философскими традициями русского и сербского народов. Отметим, что исследование мифов,

архетипов и символов позволяет глубже осмыслить человеческие экзистенциальные поиски и конфликты. В таком ключе проблематика и поэтика творчества рассматриваемых авторов является актуальной в различных историко-культурных контекстах.

С помощью интертекстуального анализа обнаруживается ряд евангельских образов в произведениях писателей. В итоге доказывается духовное родство Ф. Достоевского и П. Негоша, которое отражается в создании «литературного Евангелия».

Результаты исследования. Как известно, изначально в сравнительно-исторических исследованиях (XIX в.) было принято соотносить эпос и фольклорные жанры разных народов. Так, в труде А. И. Кирпичникова «Поэмы ломбардского цикла» (1873) предложены три теории для объяснения схожих явлений в эпических произведениях: мифическая, литературная, историческая [18, с. 148].

Первый биограф Ф. М. Достоевского – О. Ф. Миллер – внёс значительный вклад в историю компаративистики, доказав наличие морально-нравственных начал в русской и мировой литературе. На первых страницах диссертации «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных...» (1858) О. Ф. Миллер подчёркивает: «Настоящий труд наш и есть попытка сгруппировать исторические данные, доказывающие вездесущность нравственного начала в поэзии и подчинение ему самого реального её направления» [19].

Следует также особо отметить, что именно устное народное творчество неразрывно связано с поэзией П. Негоша. Его поэма «Горный венец» написана народным языком и переполнена эпическими, драматическими и лирическими мотивами, в которых поэт талантливо воплотил концепцию «Косовского завета», народной мудрости, сербского культурного кода.

«Косовский завет» исходит из события, происшедшего на Косовом поле 28 июня 1389 г., когда сербское войско под руководством князя Лазаря потерпело поражение от османской армии султана Мурада. Впоследствии, к концу XIV в., Сербия окончательно теряет свою государственность и становится вассалом Османской империи на протяжении более четырёх веков. Сербский историк Сима Чиркович справедливо определяет Косовскую битву как событие, кото-

рое «ярче прочих врезалось в народное сознание» [20, с. 110]. Это также подтверждается созданием огромного числа народных легенд, песен, преданий, а также авторских произведений, включая преимущественное большинство произведений П. П. Негоша. Именно Косовский завет мученика царя Лазаря сохранил дух народа и сыграл главную роль в соборности сербского народа на протяжении нескольких веков. Известно, что сербским фольклором был горячо заинтересован Иоганн Вольфганг фон Гёте, высоко его оценивший благодаря переводам Терезы Альбертины Луизы Робинсон [21].

Сербские народные песни Косовского цикла являются носителями «Косовского мифа». Для дальнейшего анализа важно отметить выбор царя Лазаря, носителя христианской добродетели и голгофского страдальца из эпоса о Косовском бое. Он перед роковым боем не спрашивает, как Гамлет, «быть или не быть», но выбирает между двумя царствами «земным» и «небесным». Итак, царь Лазарь в сербской народной эпической песне «Гибель сербского царства» задаётся вопросом:

«Боже милый, что я пожелаю?
Царство мне какое больше люблю?
Пожелаю Царства ли земного?
Если здесь я пожелаю Царства,
Пожелаю Царства я земного,
Так земное короткое Царство,
А в Небесном Царстве век превечен» [22, с. 6].

Избрать земное царство – это значило бы сохранить физическую жизнь, но потерять, во-первых, честь и свободу, а во-вторых и культурную самобытность. Данная мысль глубоко укрепились в сербском народе и передавалась от поколения к поколению на протяжении всех четырёх веков османского правления.

Особенности Косовского мифа исследует эссеист Миодраг Павлович, который говорит: «Это одна из редких мифологических систем в истории новейшей Европы, которая реализовалась» [23, с. 329]. Таким образом, «она представляет собой символ оригинальной поэзии, корень особенности сербской поэтической традиции, которая на этой точке самосозерцательна и одинока» [Там же, с. 117].

Итак, песни Косовского цикла описывают и превращают одно историческое событие в миф и мотив дальнейшего поэтического творчества. М. Радонич в докторской

диссертации отмечает: «Песни Косовского цикла могут считаться единым эпическим циклом, который со своими мифологическими элементами вошёл в историю, назвал и дополнил её» [23, с. 329].

Иво Андрич, единственный сербский писатель, удостоенный Нобелевской премии по литературе, проницательно заметил, что основу поэмы «Горный венец» П. Негош усматривает именно в Косовском завете (идея сербского поэта находится «всегда между небесами и могилой») [24, с. 16], а сам автор, вдохновлённый сербской народной поэзией, является прототипом косовского воина: «И как поэт, и как человек Негош есть олицетворение косовской борьбы, поражения и нерушимой надежды» [Там же, с. 6].

В «Горнем венце» П. Негош поёт гимн народу, готовому к восстанию, но, чтобы, согласно фрагменту из названной поэмы, «свершилось то, что быть не может»¹, идея Косовского завета должна быть постоянно в памяти народа, народ должен в неё верить и следовать ей.

Если известно, что Ф. М. Достоевский являлся реалистом, то сербское негошование до настоящего времени не дало однозначного определения принадлежности творчества П. П. Негоша тому или иному литературному направлению. Такие исследователи, как, например, Й. Скерлич, обоснованно считают, что писатель «умел быть верным художником народной жизни, который красками “локального оттенка”, живо и достоверно, явно реалистически изображал людей и события таким образом, что у читателя создавалось впечатление непосредственной реальности того времени» [25, с. 188]. Другой негошовец – Д. Иванич – указывает на то, что творчество П. П. Негоша вписывается не в период «от рационализма к романтизму» (как считал Й. Скерлич), а «от классицизма к реализму» [26, с. 11].

Следует помнить, что в «Дневнике писателя» за 1876 г. Ф. М. Достоевский подчёркивает: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные “высшие” идеи жизни, которым может быть жив человек, лишь из неё одной вытекают»².

¹ Негош П. П. Полное собрание сочинений / ред.-сост. Д. Вушовића. – Београд, 1936. – С. 27.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 24. – С. 48.

Впервые термин «русская идея» Ф. Достоевский употребил в письме А. Н. Майкову 18 января 1856 г., но и сегодня «русская идея актуальна как никогда, ведь человечество (а не только Россия) подошло к краю бездны... Русская идея – это составная общечеловеческой христианской идеи» [цит. по: 27, с. 33].

Обратим особое внимание на то, как современный Достоевсковед А. А. Горелов задаётся философским вопросом: «Идея ли существует для нации или нация – для идеи, являясь способом её реализации?» Нельзя не согласиться с ответом на свой же вопрос самого исследователя: «...нет народа – нет идеи. Столь же верно и обратное: нет идеи – нет народа. Национальная идея – это идеал нации <...>, нравственно идеологический ориентир, следующий из народного духа» [28]. В этом плане логичен ход мысли исследователей, предлагающих прорабатывать анализ «русской идеи» в категориях трудно определяемой «русской души», её «трагедии» и «мессианства» [29, с. 33]. Современный словацкий Достоевсковед П. Лекеш подчёркивает триадичность в творчестве русского писателя и анализирует её на основе эстетико-антропологической концепции литературы, введённой словацким учёным А. Червеняком [30, с. 38]. В ходе компаративистского анализа «русской идеи» и «Косовского завета» в сложных художественных мирах Ф. Достоевского и П. Негоша исследователям необходимо обращаться к категориям интертекстуальности и столь характерной для Достоевского – полифоничности. И. О. Шайтанов в работе «Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур» рассматривает интертекстуальность как ключевое понятие компаративистики [31, с. 131].

Художественные произведения, в которых с большой полнотой отражены «русская идея» и «Косовский завет», на наш взгляд, следующие:

1) роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: опубликовался частями в журнале «Русский вестник», прижизненная публикация датируется 1879 г. (№ 1–2, 4–6, 8–11) и 1880 г. (№ 1, 4, 7–11);

2) поэма-теодицея П. П. Негоша «Луч микрокосма» (религиозно-философская поэма, опубликованная в 1845 г. в Белграде); «Горный венец» (впервые напечатана в Вене в 1847 г. на сербском народном языке)

и «Самозванец Степан Малый» (создана в 1847 г., впервые опубликована в Триесте в 1851 г.) – эпико-философские поэмы. Как уже отмечалось, сербский поэт, затрагивая в своём творчестве социальные проблемы, неизменно интерпретировал их сквозь призму исторического контекста и борьбы Сербии за независимость.

Обратившись к биографии П. П. Негоша, а именно к письму Мехмеду Решид-Паше (1832), можно заметить, как сербский поэт убеждённо заявляет, что с момента падения сербского царства на Косовом поле сербский народ ведёт борьбу за свободу и сохранение национальной идентичности. Прочитируем в оригинале фрагмент из упомянутого письма:

«С тех пор как на Косовом поле сербское царство невольно впало под турецкое иго, Черногория непрерывно проливает кровь за веру и свободу, не покоряясь никому, ибо знает, какое бедствие было бы покориться и служить иноземцам» (перевод наш – В. Г.)¹. П. Негош аналогичные мысли о судьбе сербского народа развивает в поэме «Горный венец» посредством слов Вука Мичуновича, подчёркивая, что в такой ситуации сербский народ может надеяться только на вмешательство Бога и его помощь: «Нада нема право ни у кога до у Бога и у своје руке; надање се наше закопало на Косову у једну гробницу. У добру је лако добар бити, на муци се познају јунаци!»²

И продолжает воспеванием образа Милоша Обилича, образца храбрости и героизма для сербских воинов: «Што споминеш Косово, Милоша, сви смо на њем срећу изгубили; ал' су мишца, име црногорско, ускрснули с косовске гробнице над облаком у витешко царство, ње Обилић над сјенима влада»³. Относительно биографии П. Негоша упомянем, что, будучи правителем тогдашней Черногории, автор поэмы «Горный венец» в честь Обилича учредил самую значительную военную награду в истории Черногории – медаль Обилича.

С помощью интертекстуального анализа творчества Ф. Достоевского и П. Негоша рассмотрим, каким ещё образом авторы обращаются к христианским, античным и европейским культурным традициям, сопоставляя их с русской и сербской мораль-

¹ Негош П. П. Полное собрание сочинений / ред.-сост. Д. Вушовића. – Београд, 1936. – 784 с.

² Там же. – С. 12.

³ Там же. – С. 37.

но-нравственной системой ценностей. Мы неоднократно отмечали наличие христианских мотивов в творчестве двух писателей, так как они лежат в основе «русской идеи» и «Косовского завета». Подчеркнём здесь мотивы смирения и страдания в поучениях старца Зосимы, поведения младшего из братьев Карамазовых. Названные мотивы одновременно воплощают характерную для Ф. Достоевского идею «русской миссии» как служения человечеству и следования заповеди Христа о любви к ближним своим. Прочитируем слова Зосимы о том, что надо прощать всех за всё:

«Делай неустанно. Если вспомнишь в ночи, отходя ко сну: “я не исполнил, что надо было”, то немедленно восстань и исполни. Если кругом тебя люди злобные и бесчувственные и не захотят тебя слушать, то пади пред ними и у них прощения проси, ибо воистину и ты в том виноват, что не хочешь тебя слушать»⁴.

С другой стороны, в образе Ивана Карамазова прослеживается диалог с идеями рационализма. Иван Карамазов, испытывающий кризис, к которому привело его рационалистическое мышление, заявляет: «Не Бога я не принимаю, Алёша, я только билет ему почтительнейше возвращаю»⁵.

Таким образом, Иван выражает протест против принятия страдания как части божественного замысла. Следует обратить внимание на то, что и П. П. Негош в своих поэмах выступает против индивидуализма и рационализма, связывая их с упадком морали и нравственности в западных странах. Герои поэмы проходят через многочисленные испытания, для преодоления которых недостаточно рациональных решений, нужна глубокая интуиция и осознание культурного кода сербского народа. Прочитируем ещё один фрагмент из поэмы:

«Кто здесь имя честное заслужит,
землю тот и попирает недаром,
а без имени чего он стоит»⁶.

Для сравнения укажем на то, что в последнем романе Ф. М. Достоевского с многоуровневой структурой надежда на Бога и честь занимают одно из центральных мест. Именно эта христианская идея сближает русский и сербский народы, для которых

⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 24. – С. 291.

⁵ Там же. – С. 223.

⁶ Негош П. П. Полное собрание сочинений / ред.-сост. Д. Вушовића. – Београд, 1936. – С. 26.

честь стоит хранить ради будущего воскресения. Цитируем для наглядности цитату из поучения старца Зосимы: «...ибо не умрёт свет твой, хотя бы и ты уже умер»¹.

Исходя из того, что произведения обоих авторов содержат евангельский контекст, интересно будет обратиться к мысли канадского исследователя Н. Фрая, который изначально пытался включить Библию в систему художественной литературы, но спустя двадцать пять лет обратился к сравнительной стратегии. В книге «Великий код» с её подзаголовком компаративного характера «Библия и литература» автор приходит к выводу, что обе части Библии «словно два зеркала, отражают друг друга, замыкаясь на себя» [32, с. 104].

Схожая проблема стоит перед нашим исследованием: возможно ли объединить исследование христоцентричных «русской идеи» и «Косовского завета»? Мы придерживаемся положительного ответа. Например, попытались провести компаративистский анализ, чтобы показать, каким именно образом каждый из авторов обращается к вопросам национальной идентичности, концепции судьбы (как личной, так и народной), а также к темам социального угнетения.

Предпринятый анализ позволил увидеть, что произведения Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша отражают различия в литературных традициях России и Сербии, но их объединяют схожие философские взгляды их авторов. Разумеется, данные философские концепты представляют собой внетекстовые элементы. Гипотеза о корректности включения «русской идеи» и «Косовского завета» в контекст изучения творчества русского и сербского писателей подтверждается наблюдением Ю. М. Лотмана, сделанным в рамках «Лекций по структуральной поэтике»: «Совершенно очевидно, что реальная художественная значимость текстовых элементов понятна лишь в отношении к внетекстовым» [33, с. 215].

Итак, по нашему убеждению, компаративистский анализ творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша следует проводить на двух уровнях:

1. Историко-литературный. Здесь имеем в виду объединение двух методологических аспектов, сформулированных М. В. Жирмунским: сравнение историко-ге-

нетическое и сравнение на основе культурных взаимодействий [34, с. 6–7].

Оба автора обладают схожим пониманием «восточного вопроса», и многочисленные аллюзии на него постоянно обнаруживаются в их произведениях. Между тем, на наш взгляд, не получил заслуженного внимания «петербургский текст» в жизни и творчестве П. Негоша. Отметим, что в исторической поэме «Самозванец Степан Малый» автором неоднократно упоминается иностранец, который представляется как царь Петр III, а в третьем явлении высвечивается название столицы тогдашней Российской Империи, в которой учился один из персонажей – сердар Йова Петрович. Именно указанную поэму современный негошолог Й. Деретич называет переломным моментом в жизни и творчестве, а именно в переходе «от романтизма к реализму» [35, с. 674].

2. Аксиологический. Данный уровень направлен на системный анализ ценностей в творчестве русского и сербского авторов. Как указывалось выше, исследование столь характерных для Ф. Достоевского и П. Негоша христианских ценностей и антиценностей. По справедливому замечанию современного российского литературоведа А. В. Филатова, «аксиологический подход рассматривается наряду с историко-литературным и мифопоэтическим как один из магистральных способов познания художественного произведения» [36, с. 132].

Согласимся с точкой зрения Т. Л. Селитриной, полагающей, что историко-функциональные и историко-генетические принципы «в самой значительной степени (более того – принципиально) сохраняют столь необходимый уровень универсальности и историзма» в компаративистском исследовании².

Отмеченное А. В. Гулыгой (применительно к творчеству Ф. Достоевского) в полной мере характеризует и поэзию П. Негоша: «Постсовременное мышление актуализирует прошлое на более убедительном уровне. Русская идея – это составная общечеловеческой христианской идеи, изложенная в терминах современной диалектики» [27, с. 33]. Итак, «Русская идея» и «Косовский завет», повторяя то, о чём учит Новый Завет, создают «литературное Евангелие» русского и сербского народов.

² Селитрина Т. Л. Преимущество литературного развития и взаимодействие литератур: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2009.

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 24. – С. 292.

Обсуждение результатов исследования. Мы сделали обзор современных российских и зарубежных трудов, прямо или косвенно относящихся к проблемам творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша. Поскольку русская и сербская литературы обладают множеством христианских мотивов, неудивительно, что в трудах, посвящённых творчеству данных авторов, межлитературные связи включены в историко-культурный контекст. Нами впервые предложено включить в компаративистский анализ проблематики и поэтики Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша такие философские концепты, как «русская идея» и «Косовский завет».

На первый взгляд, могло показаться противоречивым сравнение данных концепций в художественном завещании, с одной стороны – романиста, с другой – поэта, однако с помощью аксиологического анализа представляется возможным выявить близость в представлении писателей о судьбе (как индивидуальной, так и народной), «Восточном вопросе», христианстве, человеке и мире и других онтологических, гносеологических и историософских вопросах.

Следовательно, анализ художественного завещания Ф. Достоевского и П. Негоша будет неполноценным без включения в него категорий интертекстуальности и полифоничности. Такого рода положения обсуждались на Международном культурно-образовательном форуме «Золотой век русского реализма: Опыт прочтения» МА-ПРЯЛ в Русском доме в Белграде, что являлось первой научной дискуссией по теме исследования. На Круглом столе V Научно-практической школы сербистики «Доминанты сербской культуры» в Московской духовной академии велась дискуссия о

том, каким образом Ф. Достоевский и П. Негош обращаются к вопросам национальной идентичности, концепции судьбы (что неотъемлемо связано с «русской идеей» и «Косовским заветом»), а также к темам социального угнетения.

Заключение. Автором обращено внимание на то, что современная литературоведческая компаративистика неотделима от внелитературных явлений. Русского и сербского писателей – Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша – остро волновала проблема сохранения национальной самобытности. Несмотря на то, что, на первый взгляд, прямая связь «Косовского завета» и «Русской идеи» может показаться неочевидной, благодаря компаративистскому анализу художественного завещания Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша была доказана генетическая связь русского и сербского культурных кодов. С помощью интертекстуального анализа автор продемонстрировал, как Ф. Достоевский и П. Негош переосмысливают историю своих стран и христианские традиции, создавая уникальные художественные воплощения концептов «русская идея» и «Косовский завет». Как отмечалось выше, оба концепта основываются на соборности, любви и всепрощении. В качестве наиболее продуктивных подходов компаративистского анализа творчества Ф. Достоевского и П. Негоша автор предлагает историко-литературный и аксиологический.

Таким образом, по нашему убеждению, компаративистский анализ романов Ф. Достоевского и поэм П. Негоша следует проводить с помощью литературоведческого анализа антропологических и христианских мотивов, а именно через призму философии «русской идеи» и «Косовского завета».

Список литературы

1. Синченко Г. Ч., Векленко С. В. Методология диссертационного исследования (семь соображений для соискателей). Текст: электронный // Научный вестник Омской академии МВД России. 2006. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-dissertatsionnogo-issledovaniya-sem-soobrazheniy-dlya-soiskateley> (дата обращения: 14.09.2024).
2. Frank J. Dostoevsky: The Stir of Liberation, 1860–1865. Princeton: Princeton University Press, 2020. 406 p.
3. Frank J. Dostoevsky: The Years of Ordeal, 1850–1859. Princeton: Princeton University Press, 2020. 315 p.
4. Hudspeth S. Dostoevsky and the Idea of Russianess: A New Perspective on Unity and Brotherhood. N. Y.: Routledge, 2014. 240 p.
5. Эвальд В. Д. Ф. М. Достоевский в зарубежных научных исследованиях XXI века // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2. С. 225–240.
6. Хуэйжун А. Рецепция творчества Достоевского в китайских переводах, художественных произведениях и научных исследованиях // Научный диалог. 2020. № 11. С. 154–176. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176.

7. Цэн Цзя. Современное прочтение романов Ф. М. Достоевского в Китае: развитие идеи «жизнь есть рай» // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 6. С. 255–259.
8. Вань Хайсун. «Литературная археология» писем Ф. М. Достоевского. Текст: электронный // Социальные науки Китая: Вестник социальных наук Китая. 2020. 10 декабря. URL: https://m.thepaper.cn/baijiaha0_10345207 (дата обращения: 20.09.2024).
9. Гэн Хайин. Ф. М. Достоевский: Как свободное существо человек несет ответственность за зло. Текст: электронный // Синьцзинбао. 2020. 12 июня. URL: https://www.sohu.com/a/401481811_114988 (дата обращения: 20.09.2024).
10. Дин Шисинь, Шэнь Лужу. Введение и комментарий к Ф. М. Достоевскому в современном Китае и Движение 4 мая // Вестник Университета «Цзяин» (Философско-социальные науки). 2011. № 1. С. 47–51.
11. Маројевић Р. Руски еквиваленти српског десетерца: Метричке константе и ритмичке доминанте превода Луче микроkozма Иље Числова // Октоих. Подгорица. 2021. № 12. С. 35–51.
12. Бајовић Ј., Стојиљковић С., Јовановић М. Узречице као транслатолошки изазов (на грађи Његошевог speва Шћепан мали и руских превода) // Зборник радова Филозофског факултета. 2023. № LIII. С. 67–80.
13. Бајовић Ј. Архаизација као преводилачки поступак: Луча Микроkozма у преводу Иље Числова. Косовска Митровица-Београд: Чигоја, 2024. 148 с.
14. Ракочевић М. Његошев исконски логос. Београд: ННК Интернационал, 2023. 207 с.
15. Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек. М.: Советский писатель, 1976. 368 с.
16. Конрад Н. И. Проблемы современного сравнительного литературоведения // Избранные труды. Литература и театр. М.: Наука, 1978. С. 29–49.
17. Беженару Л. Литературоведческая компаративистика: от деконструкции старой терминологической базы к восприятию образа «другого» // Нурғалиевские чтения-XII: научное сообщество ученых XXI столетия. Филологические науки. Астана, 2023. С. 152–168.
18. Кирпичников А. И. Поэмы ломбардского цикла. М.: Унив. тип., 1873. 208 с.
19. Миллер О. Ф. О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных: по поводу вопроса о современном направлении русской литературы / соч. Ореста Миллера на степ. магистра рус. словесности. СПб.: Тип. Королёва и К, 1858. 300 с.
20. Чиркович С. История сербов. М.: Весь мир, 2009. 488 с.
21. Robinson L. K. Therese Albertine Louise Von Jacob // European Immigrant Women in the United States: A Biographical Dictionary / J. B. Litoff. N. Y.: Taylor & Francis, 1994. P. 249–250.
22. Велимирович Н. Царев завет. СПб.: Искусство России, 2011. 128 с.
23. Радонић М. Есејистичко дело Миодрага Павловића: дис. ... канд. филол. наук. Београд, 2013. 430 с.
24. Андрић И. Његош и Косовски завет: 200 година од рођења Петра II Петовића Његоша / приредио Тохоль М. Приштина: Панорама, 2013. 124 с.
25. Скерлић Ј. Историја нове српске књижевности. Београд: Просвета, 1967. 581 с.
26. Иванић Д. Његош и Љубиша: историјскопоетичке студије. Подгорица: Матица српска – Друштво чланова у Црној Гори, 2023. 148 с.
27. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, 2003. 448 с.
28. Горелов А. А. Значение Ф. М. Достоевского в отечественной и мировой философии. Текст: электронный // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-f-m-dostoevskogo-v-otechestvennoy-i-mirovoy-filosofii> (дата обращения: 19.09.2024).
29. Орлова Н. Х. Еще раз о бесконечной своевременности Ф. М. Достоевского // Парадигма. 2024. № 40. С. 31–54.
30. Лекеш П. К вопросу о триадическом характере творчества Ф. М. Достоевского // CCS&ES. 2022. № 3. С. 38–46.
31. Шайтанов И. О. Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 130–137.
32. Frye N. The Great Code: The Bible and Literature. N. Y.; London: Harcourt Brace Jovanovich, 1982. 292 p.
33. Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа: сборник. М.: Гнозио, 1994. 560 с.
34. Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М.: АН СССР, 1958. 149 с.
35. Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд: Просвета, 2002. 1292 с.
36. Филатов А. В. Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 130–140.

Информация об авторе

Гаврич Вукашин, аспирант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; 117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6; vukasingavric@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0628-8037>.

Для цитирования

Гаврич В. Проблематика «Русской идеи» и «Косовского завета» в компаративистском исследовании творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 20–30. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-20-30.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 27.10.2024; принята к публикации 29.10.2024.

References

1. Sinchenko, G. Ch., Veklenko, S. V. Methodology of dissertation research (seven considerations for applicants). Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, no. 2, 2006. Web. 14.09.2024. <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-dissertatsionnogo-issledovaniya-sem-soobrazheniy-dlya-soiskateley>. (In Rus.)
2. Frank, J. Dostoevsky: The Stir of Liberation, 1860–1865. Princeton: Princeton University Press, 2020. (In Eng.)
3. Frank, J. Dostoevsky: The Years of Ordeal, 1850–1859. Princeton: Princeton University Press, 2020. (In Eng.)
4. Hudspith, S. Dostoevsky and the Idea of Russianess: A New Perspective on Unity and Brotherhood. N. Y.: Routledge, 2014. (In Eng.)
5. Evallye, V. D. F. M. Dostoevsky in foreign scientific research of the 21st century. Dostoevsky and world culture. Philological journal, no. 2, pp. 225–240, 2023. (In Rus.)
6. Huijun, A. Reception of Dostoevsky's works in Chinese translations, works of art and scientific research. Scientific dialogue, no. 11, pp. 154–176, 2020. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176. (In Rus.)
7. Cheng, Jia. Modern reading of F. M. Dostoevsky's novels in China: Development of the idea "life is paradise". Successes of the Humanities, no. 6, pp. 255–259, 2021. (In Rus.)
8. Van Haisun. Literary archeology of the letters of F. M. Dostoevsky. Social Sciences of China: Bulletin of Social Sciences of China, 2020. Web. 20.09.2024. https://m.thepaper.cn/baijiahao_10345207. (In Chinese)
9. Gen Hajin. F. M. Dostoevsky: How a free human being bears responsibility for evil. Sin'czinbao, 2020.06.12. Web. 20.09.2024. https://www.sohu.com/a/401481811_114988. (In Chinese)
10. Din Shisin, Shen Luzhu. Introduction and Commentary to F. M. Dostoevsky in Modern China and the May 4th Movement. Bulletin of Jiaying University (Philosophical and Social Sciences). Introduction and Commentary to F. M. Dostoevsky in Modern China and the May 4th Movement. Bulletin of Jiaying University (Philosophical and Social Sciences), no. 1, pp. 47–51. 2011. (In Chinese)
11. Maroyevich, R. Russian equivalents of the Serbian ten: Metrical constants and rhythmic dominants of the translation of Ilya Chislov's Light of the Microcosm. October. Podgorica, no. 12, pp. 35–51, 2021. (In Serb.)
12. Bajovich, Y. Stojiljkovich, S., Jovanovich, M. Proverbs as a translational challenge (on the basis of Njegosh's song Schepan mali and Russian translations). Zbornik radova Filozofskog fakulteta, no. LIII, pp. 67–80, 2023. (In Serbian)
13. Bajovich, Y. Archaization as a translation procedure: Lucha Mikrokosma translated by Ilya Chislev. Kosovska Mitrovica-Belgrade: Chigoya, 2024. (In Serbian)
14. Rakochevich, M. Njegosh's primordial logos. Belgrade: NNK International; 2023. (In Serbian)
15. Khrapchenko, M. B. Artistic creativity, reality, man "Soviet writer", 1976. (In Rus.)
16. Konrad, N. I. Problems of modern comparative literary criticism. Selected works. Literature and theater. M: Nauka, 1978: 29–49. (In Rus.)
17. Bezhenaru, L. Comparative Literary Studies: From Deconstruction of the Old Terminological Base to the Perception of the Image of the "Other". Nurgaliev Readings-XII: Scientific Community of Scientists of the XXI Century. Philological Sciences. 2023: 152–168. (In Rus.)
18. Kirpichnikov, A. I. Poems of the Lombard cycle. M: Univ. typ., 1873. XII. (In Rus.)
19. Miller, O. F. On the moral element in poetry based on historical data: regarding the issue of the modern direction of Russian literature. Works by Orest Miller, for the degree of master of Russian literature. SPb: In the typology of Korolev and K, 1858. (In Rus.)
20. Chirkovich, S. History of the Serbs. M: Ves' mir, 2009. (In Rus.)
21. Robinson, L. K. Therese Albertine Louise Von Jacob. European Immigrant Women in the United States: A Biographical Dictionary. Judy Barrett Litoff. N. Y.: Taylor & Francis, 1994: 249–250. (In Eng.)
22. Velimirovich, N. The Tsar's Testament. St. Petersburg. Art of Russia. 2011. (In Rus.)

23. Radonich, M. Essay work of Miodrag Pavlovich. Cand. sci. diss. Belgrade, 2013. (In Serbian)
24. Andrich, I. Njegosh and the Kosovo Covenant: 200 years since the birth of Petar II Petrović Njegosh. Edited by Toholj M. Prishtina: Panorama, 2013. (In Serbian)
25. Skerlich, J. History of new Serbian literature. Belgrade: Prosveta, 1967. (In Serbian)
26. Ivanich, D. Njegosh and Ljubisha: historical and poetic studies. Podgorica: Matica srpska, Society of members in Montenegro, 2023. (In Serbian)
27. Gulyga, A. V. Russian idea and its creators. M: Eksmo, 2003. (In Rus.)
28. Gorelov, A. A. The Significance of F. M. Dostoevsky in Russian and World Philosophy. Knowledge. Understanding. Skill, no. 2, 2021. Web. 19.09.2024. <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-f-m-dostoevskogo-v-otechestvennoy-i-mirovoy-filosofii>. (In Rus.)
29. Orlova, N. Kh. Once again about the endless timeliness of F. M. Dostoevsky. Paradigm, no. 40, pp. 31–54, 2024. (In Rus.)
30. Lekesh, P. To the question about the triadic nature of the work of F. M. Dostoevsky. CCS&ES, no. 3, pp. 38–46, 2022. (In Slovak)
31. Shaitanov, I. O. Triad of modern comparative studies: globalization – intertext – dialogue of cultures. Questions of Literature, no. 6, pp. 130–137, 2005. (In Rus.)
32. Frye, N. The Great Code: The Bible and Literature. N. Y.; London: Harcourt Brace Jovanovich, 1982. (In Eng.)
33. Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school. M: Gnosio, 1994. (In Rus.)
34. Zhirmunsky, V. M. Epic creativity of the Slavic peoples and problems of comparative study of the epic. M: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. (In Rus.)
35. Deretich, J. History of Serbian literature. Belgrade: Prosveta, 2002. (In Serbian)
36. Filatov, A. V. Axiology in the theory of literature: the main directions of value analysis. Siberian Philological Journal, no. 4, pp. 130–140, 2019. (In Rus.)

Information about the author

Gavrich V., Postgraduate Student, The Pushkin State Russian Language Institute; 6 Akademika Volgina st., Russia, 117485, Moscow; vukasingavric@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0628-8037>.

For citation

Gavrich V. The Problems of the “Russian Idea” and the “Kosovo Testament” in the Comparative Study of the Works by F. M. Dostoevsky and P. P. Njegosh // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 20–30. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-20-30.

**Received: September 24, 2024; approved after reviewing October 27, 2024;
accepted for publication October 29, 2024.**